ГРАММАТИКИ И ЦЕНТУРИОНЫ

А. В. Козленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, strator40@gmail.com*

Литература была важной составляющей культурной жизни Римской империи. Представители знати обычно имели за плечами хорошее образование, были знакомы с классической литературой и сохраняли вкус к литературным занятиям в течении жизни. Средние и даже низшие слои населения также старались подражать этой культуре. Грамотность была широко распространена. Ту же картину мы наблюдаем в римской армии. Следы литературных пристрастий солдат являются многочисленные надписи, в т. ч. любительские стихи, эпиграммы, эпитафии и письма.

Ключевые слова: Римская империя; римская армия; грамматики; центурионы; графомания; эпиграмма; эпиграфика; надписи; идентичность.

GRAMMARIANS AND CENTURIONS

A. V. Kozlenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
strator40@gmail.com*

Literature was an important part of the cultural life in the Roman Empire. Nobility usually had a good education, were familiar with classical literature canon and a taste for writing throughout their lives. The middle and even lower strata also imitated this culture. Literacy was widespread. Numerous inscriptions, including epigrams, epitaphs and letters told us about literary taste of the soldiers

Keywords: Roman Empire; Roman army; Grammarians; Centurions; literature; epigram; epigraphy; inscriptions; identity

Прусский король Фридрих II говорил, что из любого фельдфебеля получится хороший школьный учитель, однако далеко не каждый учитель способен стать хорошим фельдфебелем. В древней истории, как и в наши дни, бывшим учителям совсем нередко приходилось менять мел и доску на мундир. При этом, вопреки уверенности короля, результат такого переодевания зачастую оказывается совсем не так уж плох. Ответственные и собранные, привыкшие к порядку и дисциплине, бывшие учителя нередко делали в армии головокружительные карьеры на зависть менее расторопным сослуживцам.

Ряд примеров такого рода метаморфоз сохранил Светоний в своем сочинении о риториках и грамматиках. Луций Орбилий Пупилл из Беневента (113–13 гг. до н. э.), оставшись без средств, и не найдя себе учеников, записался в армию. Сначала он был простым писарем при штабе, затем дослужился до корникулария, т. е. начальника канцелярии в провинции Македония. Выйдя в отставку, он вернулся в родной город и снова стал

заниматься преподаванием. На этом поприще он снискал такую славу, что уже в 50-летнем возрасте перебрался в Рим. Своих соперников на учительском поприще он поносил при каждом удобном случае, а учеников лупил по рукам линейкой. Учёные заслуги Орбилия признавали даже его враги. После смерти на родине ему воздвигли памятник (Suet. Gram., 9).

Примером противоположной жизненной карьеры стал Марк Валерий Проб из Берита (20/30 – 105 г. н. э.). Судя по месту его рождения, он происходил из семьи римских военных колонистов. Долгое время он безуспешно добивался должности центуриона в армии. Пока тянулось ожидание, Проб прочел несколько старинных книг по грамматике и так увлекся этим предметом, что забросил планы военной службы и целиком обратился к ученым занятиям. Из сочинения Авла Геллия известно, что Проба занимали такие вопросы, как правила ударения в карфагенских именах, гомеровские сюжеты в сочинении Вергилия и многое другое (Gell., I, 15, 18). Светоний также пишет, что его сочинения немногочисленны, невелики и посвящены изучению мелких частных вопросов, в которых он был весьма компетентен (Suet. Gram., 9).

Поразительную историю рассказывает Кассий Дион. Во время Гражданской войны между императором Септимием Севером и поднявшим против него восстание Клодием Альбином (196–197 гг.), некий школьный учитель Нумериан объявил себя сенатором и посланником императора, набрал под этим предлогом провинциальное ополчение и с большим успехом стал действовать в тылу войск мятежников. Слухи о его подвигах дошли до ушей Септимия Севера, который также поверил в эту небывлицу и отправил ему на помощь войска. После того, как была одержана окончательная победа, Нумериан распустил свою армию и лично явился к императору, которому признался в своём обмане. От предложенной ему награды он отказался, вместо этого вернулся домой и до конца жизни продолжал довольствоваться скромным учительским жалованием (Dio Cass., 76, 5; Zonar., XII, 10).

Как бы ни были удивительны его приключения, его превзошёл успех Публия Гельвия Пертинакса (126–193 гг.). Его отец был простой торговец шерстью, но озаботился дать сыну хорошее образование у знаменитого грамматика Гая Сульпиция Аполлинария (SHA VIII, 1, 1; Herod., II, 3, 1). Достигнув зрелости, Пертинакс сам занялся преподаванием, что принесло ему некоторую известность, но не богатство. Это подтолкнуло его радикально изменить сферу деятельности и уже в 30-летнем возрасте при помощи знатных покровителей он получил должность центуриона в армии

(SHA VIII, 1, 5). Образованный и способный офицер быстро продвинулся по всем ступеням карьеры, дослужился до высших командных должностей. Когда император Коммод был убит заговорщиками, сенат единодушно предложил престол Пертинаксу (Herod., II, 3, 4). Всего после 3-месячного правления он был убит взбунтовавшимися солдатами (Aurel. Vict. Caes. XVIII).

В римской армии от офицеров и даже рядовых солдат требовалась не только физическая сила, выносливость и умение обращаться с оружием, но также определенный уровень грамотности. Офицеры знатного происхождения обычно имели за плечами хорошее образование, были начитаны, или по крайней мере поверхностно знакомы с классической литературой и нередко сохраняли вкус к литературным занятиям в течение службы. Даже те центурионы, которые выслуживались из рядовых солдат, прежде чем получить это звание, должны были предварительно пройти ряд карьерных должностей, связанных с бумажной работой в канцелярии легиона. Насколько ценилось образование в этой среде показывает навязчивое стремление военных к месту и не очень щеголять цитатами из классических авторов, о котором сообщают самые различные источники. Согласно автору «Жизнеописаний августов», император Диоклетиан (244–311 гг.), на сходке воинов зарубивший своего противника Аррия Апра перед многотысячной толпой, тотчас после этого произнёс стих Вергилия: «Пал ты, сражённый, самым великим Энеем» (Verg., Aen., X, 830). «Меня удивляет, – пишет автор жизнеописания, – такой рассказ о военном человеке, хотя я знаю, что многие военные употребляют греческие и латинские выражения комических и таких поэтов. Наконец, и сами авторы комедий, выводя на сцену воинов, часто заставляют их употреблять старинные изречения» (SHA XXX, 13, 3).

По-видимому, наряду с людьми поверхностно образованными, в армии в немалом числе встречались также и те, кто живо интересовался последними книжными новинками, и сами были не чужды служению Музам. Поэт Марциал на пике своей литературной карьеры с немалой долей самоуверенности писал, что творчество его широко известно в самых отдалённых провинциях, «...и даже в морозном краю у гетов под знаменем Марса потрёпанную книжку стихов мусолит центурион в часы досуга» (Mart., XI, 3). Можно предположить, что одним из таких преданных читателей Марциала был его близкий друг центурион Авл Пудент, которому поэт посвятил ряд своих эпиграмм. Из них нам известно о его пристрастиях к мальчикам (I, 31), желании иметь автографы Марциала (VII,

11) и честолюбивых мечтах получить чин примипила (I, 31; VI, 58). Сам он также писал любительские стихи и давал поэту советы относительно его собственных рифм (VII, 11).

Отражением этого распространенного увлечения графоманией являются две большие стихотворные надписи, обнаруженные археологами в развалинах римской пограничной крепости Голайя, современный Бунджем в Ливийской пустыне. Обе были написаны латинским стихотворным гекзаметром, первые буквы каждой строчки составляли акrostих, в котором было зашифровано имя автора. Первый текст датируется между 10 декабря 202 г. и 9 декабря 203 г., составлен от имени Квинта Авидия Квинтиана и содержит 18 стихотворных строк посвятельной надписи римской богине здоровья Салюте, сделанным по случаю постройки бань в форте (AE 1987, 993). Второй датируется началом 222 г. и представляет собой поэму в 27 строк о ремонте лагерных ворот, осуществленном силами солдат гарнизона крепости под наблюдением центуриона Марка Порция Ясуктана (AE 1995, 1641). Текст обеих надписей, хоть и грамматически правильный, представляет собой смесь литературного и современного авторам разговорного языка [1, p. 124; 2, с. 266–268].

Еще одним жанром, демонстрирующим литературные вкусы римских военных, являлись стихотворные надгробные эпитафии. На этом поприще выступали не только поэты-любители, но даже такие признанные мастера, как Марциал. Его перу принадлежит несколько десятков эпитафий, которые он сочинял для своих друзей, а также по заказу богатых спонсоров. Одним из таких друзей Марциала был центурион Вар, служивший в Киренаике, скончавшийся и похороненный здесь вдали от родины (Mart. X., 26). Еще одна известная эпитафия Марциала была сложена в честь двух товарищей Фабриция и Аквина, также римских центурионов, умерших в одно время или погибших в одном сражении и потому похороненных в общей могиле (Mart. I, 93). Обе эпитафии свидетельствуют о принадлежности их заказчиков к образованным кругам. Менее взыскательной публике приходилось довольствоваться эпитафиями, подобными той, которая была найдена на надгробной плите из Хеншелы на территории современного Алжира:

«Я желал держать трупы даков – я держал их.

Я желал сесть на кресло мира – я сел на него.

Я желал следовать за блестящими триумфами – и это сделано.

Я желал достичь всех финансовых выгод примипила – я их получил.

Я желал видеть наготу нимф – я видел ее» (AE 1928, 37).

Не слишком искусная рифма этих строк скорее свидетельствует о работе трудившегося на заказ поэта-любителя. Последняя строчка в действительности является скрытой цитатой из поэзии Катулла и, по крайней мере свидетельствует о его начитанности [1].

Литература для римских военных являлась не только любительским увлечением, но также важным источником самоидентификации. Некоторые аспекты этой проблемы нам могут открыть надписи на коленях Колосса Мемнона в Луксоре (Египет). Огромная статуя фараона Аменхотепа III, в греко-римскую эпоху стала почитаться как изображение героя Мемнона, сына богини Зари. Перед восходом солнца, когда холодный воздух проходил через трещины в камне, статуя издавала тонкий высокий звук. Считалось, что Мемнон таким образом приветствует свою мать на небосклоне (Strab., XVII, 46; Paus., I, 42, 3). Чтобы «услышать голос Мемнона» в Луксор стекались многочисленные паломники. Следами их присутствия являются граффити на постаменте и коленях статуи. Всего известно 107 надписей, 61 греческая и 45 латинских, выполненных в период между 20 и 205 гг. Особый интерес для нас представляют 10 надписей, принадлежавших римским центурионам.

Как и другие надписи паломников, эти тексты двуязычны: 7 из них выполнены на латыни, 3 – на греческом. По мнению учёных, это распределение не столько отражает реальную языковую ситуацию в армии, сколько свидетельствует о культуре военных и выборе идентичности. Все латинские граффити носят сухой официальный характер. Составители указывали своё имя, должность и название легиона. Греческие имеют совершенно иной характер. Все они выполнены стихотворным гекзаметром, в свободной форме, с литературными аллюзиями. Должность центуриона (*hekatontarchos*) указана в надписи, однако название легиона отсутствует. Даже имя составителя указано по-гречески в упрощённой форме, что особенно заметно в надписи Мария Гемелла, составленной на обоих языках. Очевидно, что для составителей надписи греческий язык и стихотворная форма послания были важнее его содержания [3].

Обязанности рядовых солдат также предполагали хотя бы элементарную грамотность. Они должны были постоянно читать и писать приказы, рапорты и списки, передавать и разносить сообщения в качестве курьеров и т. д. (Veg., II, 19). Знание грамматики и хороший почерк часто являлись для них предпосылками повышения по службе и успешной карьеры. Голоса рядовых солдат доходят до нас гораздо реже, чем

офицеров, у которых для этого были специальные возможности. Однако, есть граффити, процарапанные поверх штукатурки, есть религиозные посвящения, а также письма к домашним. Как правило, это простые и безыскусные послания, принадлежавшие людям, образование которых ограничилось парой классов сельской школы. Письма из Виндоланды, найденные при раскопках римской крепости недалеко от Вала Адриана в Британии, и написанные в конце I – начале II вв. н. э., по своей форме и содержанию больше похожи на деловые записки с просьбами или поручениями к домашним.

По мере роста благосостояния населения империи и, вероятно, повышения общего уровня грамотности, во II–III вв. письма простых людей, в т. ч. солдат, приобретают все более сложную форму, в них чаще встречаются риторические обороты, характерные для текстов «высокого стиля». Остается неизвестным, в какой мере эти тексты отражают культурные нормы и стандарты речи, принятые в военной среде этого времени. Вероятно, непосредственным источником многих риторических формул являлись ходившие по рукам сборники готовых образцов, наподобие «письмовников» Нового времени. Подходящий по форме текст можно было просто переписать от руки или скомбинировать из нескольких частей в зависимости от потребности пишущего [4].

Библиографические ссылки

1. Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // *Journal of Roman Studies* 1999. Vol. 89. P. 109–134.
2. Махлаюк А В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики // *Из истории античного общества*. Вып. 12. Н. Новгород, 2009. С. 213–238.
3. Rosenmeyer P. A. *The Language of Ruins: Greek and Latin Inscriptions on the Memnon Colossus*. Oxford: University Press, 2018.
4. Ковельман А. Б. Частное письмо в греко-римском Египте II–IV вв. н. э. как литературный факт // *Вестник Древней истории* 1985. № 3. С. 134–154.